

Ситуация мгновенно накалилась, и даже Су Сун не знал, как защитить Чжэнь Цюна. Неудивительно, что цензор осмелился так опрометчиво подать жалобу: скорее всего, его вдохновители знали, что Чжэнь Цюн не упоминал это лекарство перед Сыном Неба. Это было плохо. Как же оправдаться? Чжэнь Цюн был слишком смел. Разве министр Хань не дал ему никаких наставлений?

Су Сун невольно взглянул на главу сановников. Хань Ци стоял с опущенными взорами, лицо его не изменилось, и ничего нельзя было понять.

Собравшись с духом, Су Сун уже хотел произнести пару слов в оправдание Чжэнь Цюна, как с трона раздался голос Сына Неба:

— Даос Чжэнь всё же оказал государству заслуги, прикажите ему войти в чертог для допроса.

Хотя Чжао Сюй и раздражался, он всё же сдержался. Чжэнь Цюн неоднократно совершал великие деяния, но никогда ничего не требовал взамен. Это был человек с чистыми помыслами, всем сердцем устремленный к Дао. Нельзя же из-за односторонних обвинений злить заслужанного слугу? Надо призвать его и подробно расспросить.

Су Сун облегченно выдохнул. Сын Неба всё же ценил наставника Чжэня, оставался шанс исправить положение. Но вот жалоба на министра Ханя была делом трудным. Сын Неба ревностно проводил реформы, министр Хань также усердно помогал ему, из-за чего пострадали интересы некоторых. Например, увеличение налога на торговлю предметами роскоши — какой владелец такого заведения не имеет за спиной влиятельных сановников или знати? Новые приграничные пошлины и Управление морской торговли привели в ярость монополистов, контролировавших пограничную торговлю. Боюсь, это дело не закончится добром.

Су Сун тревожился, но передали приказ быстро. Вскоре евнух привел молодого даоса в большой чертог.

Благодаря предупреждению Хань Мяо, Чжэнь Цюн давно подготовился и надел свою лучшую даосскую одежду. Сегодня его велили не в боковой покой, а в главный дворец, который выглядел гораздо просторнее, да и незнакомых сановников было больше. Но стоило ему вспомнить об основании собственной школы и алхимической лаборатории, созданной императорским двором, страх в его душе «шух» исчез без следа. Он не робел и величаво подошел к трону, чтобы совершить поклон.

Такой красивый юный даос выглядел не совсем к месту в торжественном чертоге. Однако, глядя на его выражение лица, в котором не читалось понимания мирских опасностей, Чжао Сюй невольно смягчил тон:

— Мы призвали наставника Чжэня лишь затем, чтобы кое-что спросить. Наставник Чжэнь говорил, что нельзя употреблять свинец и ртуть, но сам когда-нибудь плавил пилюли?

Чжэнь Цюн спокойно ответил:

— Доложу Государю, хотя моя школа и не плавит золотые пилюли, у нас действительно есть одно духовное снадобье.

Услышав это, лицо Чжао Сюя омрачилось:

— Неужели это снадобье, излечивающее от ста хворей и возвращающее к жизни?

Такое духовное снадобие, и он не преподнес его Сыну Неба! Этот юный даос был слишком неуважителен к Сыну Неба!

— А? — Чжэнь Цюн растерянно моргнул. — Кто говорил, что оно лечит сто хворей? То лекарство лечит лишь грудную жабу. Внезапная боль в сердце — если под язык положить одну пилюлю, наступит облегчение. В тяжелых случаях оно действительно может спасти человеку жизнь, вернуть с того света, но от прочих болезней бесполезно. К тому же принимать его нельзя произвольно, есть врачебные предписания и способы употребления.

Эти слова повергли в ступор не только Сына Неба, но и стоявшего внизу цензора, и Су Суна. Это вовсе не напоминало «волшебную пилюлю», а звучало как обычное лекарство.

Чжао Сюй тоже был в замешательстве:

— Это и вправду пилюля?

Грудная жаба и боль в сердце — это тяжелые недуги, и для них существует много прописей. Но ведь травы и пилюли — это разные вещи, верно? Кто слыхивал о пилюлях, которые принимают по назначению врача?

— В самый раз. И процесс их создания весьма сложен, — с гордостью выпрямился Чжэнь Цюн.

— ...

Важные сановники:

— ...

Лечебная пилюля и волшебная пилюля — это разные вещи. Долго Чжао Сюй не мог найти голос:

— Даже если так, эту пилюлю всё равно следовало преподнести. Грудная жаба — смертельная болезнь, и во дворце следует иметь её запас.

Лекарство, спасающее от грудной жабы, всегда пригодится. Как можно было скрывать его и не дарить?

Этот вопрос Чжэнь Цюн не боялся вовсе, господин Хань заранее научил его ответу! Он уверенно произнес:

— Государю неведомо, но хотя рецепт сей выучен по «Канону Творения», прежде я его не создавал и не знал, каково действие. Разумеется, надлежало, чтобы лекари тщательно проверили его свойства.

Эти слова были безупречны, Чжао Сюй медленно кивнул:

— И удалось выяснить результат?

Чжэнь Цюн твердо ответил:

— Пока что от него не умирают.

— ...

Сановники:

— ...

Чжэнь Цюн, видя, что лицо Сына Неба изменилось, поспешно добавил:

— Пиллюля защиты сердца — это лишь спасительное средство, хворь не лечит. Надо её постоянно иметь при себе, дабы избежать внезапной кончины, потому и проверка затянулась. Как тут можно было торопиться?

Эта «духовная пиллюля» оказалась чересчур несоответствующей названию. Однако слова юного даоса, казалось, не содержали ошибки. Он говорил правду, ничего не преувеличивал, действовал осмотрительно — прямо как прямой и честный слуга, где тут видно облик «злого даоса»?

Он говорил легко, а стоявший в стороне цензор Цзян не смог сдержаться:

— Если всё так, как вы говорите, почему не преподнесли раньше, дабы Императорская медицинская академия изготовила побольше и проверила действие? Зато в народе распускаете широкие слухи?

Чжэнь Цюн посмотрел на разгневанного старца и удивился:

— При чем тут широкие слухи? Это снадобье создать крайне сложно, в одиночку его произвожу я, малейшая оплошность — и взлетит на воздух. Кто станет повсюду об этом болтать?

Взорвется? Что за? Цензор опешил.

Чжао Сюй тоже был в замешательстве:

— Как пиллюля может взорваться?

Чжэнь Цюн поспешно объяснил:

— Не сама пиллюля взрывается, но в процессе создания оный весьма вероятно. А мощь взрыва колоссальна, в несколько раз сильнее, чем у взрывчатки.

Все, кто знал, что такое взрывчатка, застыли. Взрывчатка — это вещь, способная ломать горы и раскалывать скалы, а пиллюля, мощнее взрывчатки, — разве её можно есть? Не убьет ли она человека?

В чертоге повисла странная тишина. Цензор, видя, что ситуация складывается плохо, поспешно сказал:

— Государь, даос сей несет чушь! Кто знает, правда это или ложь?! Следовало бы признать умельцев-даосов, знающих плавку пиллюль, и медиков из Императорской академии, дабы сей даос при всех на глазах собственноручно создал снадобье!

Эти слова были злы. Если это секретная техника, как можно позволить другим наблюдать за созданием? Если кто-то выучит, разве не останется он тогда ни с чем?

Однако, прежде чем Сын Неба успел что-то сказать, Чжэнь Цюн решительно кивнул:

— Что ж, приготовьте печь для пиллюль, я готов приступить к плавке в любой момент.

Цензор Цзян:

— ...

Что за дела? Разве это не секретная духовная пилюля? Не хочешь найти предлог, чтобы отказаться?

Сын Неба на троне не стал обращать внимания на мелкого цензора. Чжао Сюй, видя, что Чжэнь Цюнь не страшится, тоже кивнул:

— Тогда приготовьте печь, и пусть наставник Чжэнь создаст сию духовную пилюлю перед нашими глазами.

Су Сун, который до этого выглядел строгим и величественным, теперь не смог удержаться от усмешки. Этот юный даос в самом деле выходил за рамки ожиданий, порой фраз повернув ход дел. Теперь кто-нибудь помнит, что его самого обвинили, или хотели вовлечь министра Ханя? Неизвестно, кто распустил слухи о «лекарстве от ста хворей», но замыслы того человека были глубоки. Теперь кому-то несдобровать.

Хотя речь шла о плавке пилюль перед Сыном Неба, это не происходило в чертоге Чуйгун. Чжао Сюй вместе со сановниками перебрался в водный павильон рядом с чертогом Яньхэ, а печь для пилюль установили в саду. Это было безопасно, к тому же обзор был хороший, так что никто не мог подменить коней на переправе и обмануть слухи Сына Неба.

Конечно, имея предыдущий опыт с купоросной водой и услышав слова даоса о том, что «может взорваться», Чжао Сюй не забыл спросить:

— Когда откроем печь, она, часом, не взорвется?

Чжэнь Цюнь тотчас ответил:

— Государь, не беспокойтесь, при открытии печи не взорвется, лишь немного ядовитого дыма будет. Взрыв случается лишь при смешивании компонентов. Я возьму поменьше.

— ...

Сановники:

— ...

Это как же не беспокоиться!

Кашлянув, Чжао Сюй приказал евноху рядом:

— Печь подальше отодвиньте, поставьте с подветренной стороны.

Сказав это, он обернулся к Чжэнь Цюню:

— И вы, наставник Чжэнь, остерегайтесь, ни в коем случае не пораньтесь.

Сын Неба был весьма заботлив. Чжэнь Цюнь, теперь уже опытный мастер по созданию кислого масла, не слишком боялся взрыва. Просто некоторые вещи требовалось использовать свои.

Подумав, Чжэнь Цюнь произнес:

— Сырье для пилюли защиты сердца обладает сильной разъедающей способностью, хранить его надлежит в стеклянной посуде. А также прочие утвари, не угодно ли Государю приказать людям доставить их и то?

— ...

Слово «разъедающая» звучало не слишком благоприятно. Разве созданная таким образом пилюля действительно съедобна? Однако лекарство, спасающее от грудной жабы, было слишком ценным, чтобы от него отказаться. Чжао Сюй вздохнул и всё же приказал людям доставить то, о чем просил Чжэнь Цюн.

<http://bllate.org/book/16827/1547571>